
КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ

А.В. Филькина
(Томск)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЗИЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В ИЗУЧЕНИИ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МЕТОДОМ

В статье рассматриваются проблемы использования этнографического метода в социологии, такие как конструирование исследовательской идентичности, этика исследователя и применение результатов исследования. Попытка решения таких проблем иллюстрируется на примере изучения новых религиозных движений.

Ключевые слова: этнографический метод, конструирование позиции исследователя, этика исследователя, этнография религиозных движений, новые религиозные движения.

В широком смысле этнографический метод предполагает составление описания локального сообщества/субкультуры через соучастие в повседневной жизни людей и использование неформализованных интервью. Этот метод популярен в социологии труда, медицины, образования, а также в исследованиях девиации. Отличительными особенностями исследований, в которых этот метод используется, являются интерактивность как открытость для дискуссии, возможность глубокого погружения в тему и в общение с субъектами исследования [1, с. 64–66], высокий уровень рефлексии по поводу исследовательского инструментария и за-

Александра Витальевна Филькина – инженер лаборатории социологических и гендерных исследований ТГПУ, преподаватель кафедры философии и социологии ТГПУ (г. Томск).

действованных теорий и концептов, трудности, возникающие в поле и при составлении конкретной этнографии. Например, Р. Берджесс, редактор сборника статей, отражающих методологические аспекты этнографического исследования учебного процесса в средних и старших классах школы, подчеркивает, что этнография (или полевые методы – *field methods*) – это не просто набор конкретных техник, которые можно было бы шаблонно использовать в любом конкретном проекте. В этнографии как нигде актуализируется роль исследователя, который сам выступает и как «сборщик информации, ее аналитик, систематизатор и истолкователь» [2, р. 3]. В каждом отдельном исследовании по мере того, как конкретный исследователь (команда исследователей) решает стоящие перед ним задачи по сбору данных, их истолкованию и презентации, возникает ряд определенных проблем: использование различных теоретических перспектив, валидизация данных, применение полученных данных, конструирование исследовательской роли и этики исследователя.

Мы остановимся именно на последних двух методологических проблемах этнографии, причем акцент будет сделан на их рассмотрении в контексте такой сферы социологических исследований, как изучение современных религиозных движений. При этом будем опираться на опыт европейских исследователей новых религиозных движений, поскольку эта область исследований наиболее развита именно в Европе. Под *новыми религиозными движениями (НРД)* подразумевается любая религиозная группа, возникшая после второй мировой войны и не признанная традиционной в конкретном обществе. В статье намечены лишь контуры, на основании которых может строиться методологическая рефлексия и за ее рамками остаются другие аспекты идентичности исследователя помимо степени его включенности в группу, а именно, этапы конструирования ролей и опыт в сфере изучения религиозных движений в отечественной социологии.

Конструирование роли исследователя: позиции инсайдера и аутсайдера

Наиболее значимым аспектом проблемы конструирования исследовательской роли является вопрос о соотношении позиций *«инсайдерства»* и *«аутсайдерства»*, т.е. степени включенности в изучаемую группу и влияние этой позиции на получаемые данные, составляемое описание. Противопоставление *ин-* и *аутпозиций*, а также приоритет позиции аутсайдера, ассоциирующийся в классической социологии с объективностью исследователя, базируются на зиммелевской идее «чужака» – индивида, свободного от тех взглядов, которые являются типичными среди респондентов, а также от прочных связей с ними, а значит, способного изучать обстоятельства с меньшей предвзятостью. Позицию Г. Зиммеля поддерживал также Р. Мертон, исходя из того, что «незнакомцу» обыденные аспекты жизнедеятельности группы, по отношению к которой он выступает аутсайдером, будут казаться необычными, а значит, будут провоцировать его на постановку вопросов, какими вряд ли бы занялся инсайдер.

Типичным является случай, по мнению П. Эткинсона и М. Хэммерсли [3], когда при первом знакомстве с изучаемой субкультурой этнограф оказывается в роли *«новичка»* и занимает позицию «допустимой некомпетентности» (аспект аутсайдерства) подобно любому новому члену какой-либо группы. Это позволяет наблюдать за людьми, просить разъяснить их, что они делают, пытаться действовать самому, совершать ошибки и т.д. Но в отличие от человека, который оказался новичком благодаря переезду или смене работы, этнограф сознательно дистанцируется от того, что он наблюдает и соответственно рефлексировать по поводу того, каким образом он усваивает те или иные факты или приходит к тем или иным выводам – наблюдая, слушая, задавая вопросы, формулируя и переформулируя гипотезы.

С одной стороны, такая позиция является очень удобной для сбора информации, но с другой, она может сопровождаться

ограничениями и чревата неизбежным «культурным шоком». Он сталкивается с тем, что его представления об изучаемой культуре не позволяют в ней правильно функционировать, а его профессиональные ожидания от планомерного процесса сбора «социальных фактов» также далеки от реальности. Кроме того, позиция новичка не всегда допустима, поскольку этнографу в силу его статуса могут навязать роль эксперта или судьи, и не статична: с развитием отношений исследователь не может позволить себе сохранить позицию «допустимой некомпетентности» и вынужден выбрать/сконструировать более определенную роль.

Классическим методологическим приемом является осмысление спектра возможных *позиций исследователя*, выделяемых в соответствии с тем, насколько он участвует в жизни той группы, которую изучает, а также с тем, насколько очевидно для изучаемой среды то, что он этнограф. В частности, Р. Голд [4] выделяет на основании вовлеченности-отстраненности исследователя и закрытости-открытости его научной деятельности 4 позиции: *полный участник, участник как наблюдатель, наблюдатель как участник, полный наблюдатель*. Эти типы позиций достаточно распространены и являются основой изучения проблем, связанных с принятием той или иной позиции. Опишем кратко эти типы.

«*Полный участник*» – исследователь действует так, как если бы он был обычным членом группы (или действительно им является), но имеет неафишируемую цель проведения исследования. Эта позиция имеет ряд преимуществ. Наиболее значимые – это определенная безопасность, особенно в тех группах, доступ в которые закрыт для посторонних, а также меньшая степень реактивности, т.е. реакций информантов на исследователя, корректирующего их обычное поведение. Одним из ярких примеров может служить исследование Э. Моралеса по изучению структуры наркотических производств в окрестностях той деревни в Андах, откуда он сам был родом. Благодаря знанию языка и культуры он мог воспользоваться стратегией «установления дружеских отно-

шений», знакомясь с такими сферами нелегального бизнеса, куда ни за что не допустили бы постороннего человека, в том числе и исследователя [5].

В то же время роль «полного участника» связана также с трудностями. Во-первых, могут быть сложности с прекращением исследования в случае, если информанты неожиданно узнают о скрывавшейся идентичности исследователя. В этом случае может даже возникнуть угроза личности этнографа. Во-вторых, функционирование в группе в качестве ее полноправного члена при проведении включенного наблюдения может привести к размыванию и утрате исследовательской позиции – то, что называется «*go native*», т.е. перенять точку зрения туземцев, а значит, утратить поле для рефлексии. В-третьих, позиция «полного участника» может оказаться ограниченной в том смысле, что этнограф принимает на себя одну из типичных для изучаемого сообщества ролей, оказывается замкнутым на ряд рутинных действий и взаимоотношений, соответствующих ролевым ожиданиям, и фактически становится невозможным доступ к другим ролевым позициям и точкам зрения.

Достоинства и ограничения позиции «*полного наблюдателя*» парадоксальным образом аналогичны тем, что присущи позиции «*полного участника*». С одной стороны, выступая в роли «полного наблюдателя», этнограф минимизирует сложности, связанные с реакцией информантов на его личность и присутствие в группе. С другой стороны, «полный наблюдатель» также ограничен в возможности выбора того, что он может увидеть, кроме того, интервьюирование здесь практически неосуществимо.

В большинстве случаев на практике исследователь занимает позицию, находящуюся между двумя этими полюсами. Более того, в одном и том же исследовании он может выступать в разных ролях по отношению к различным респондентам – в зависимости от того, какую информацию ему нужно получить, какова цель исследования, специфика изучаемой субкультуры и т.д. Вместе с тем, дискуссии о

том, «внутренний» или «внешний» взгляд на группу может считаться наиболее «объективным» и информативным, не прекращаются. Например, Р. Стайлз [3, р. 109–110] говорит о так называемых «мифах об аутсайдере» и «мифах об инсайдере», проявляющихся в таких дискуссиях. К «мифам об аутсайдере» относятся представления о том, что только аутсайдер, сохраняющий эмоциональную дистанцию от информантов, может поставлять объективную и валидную информацию, тогда как инсайдеры склонны описывать группу, к которой сами принадлежат, в искаженно позитивном свете. Мифические представления о возможностях инсайдера, наоборот, связаны с убеждением в том, что аутсайдеру остаются недоступными все внутренние смыслы поведения членов изучаемой группы, только эмпатия инсайдера может открыть к ним доступ.

В упомянутой работе П. Эткинсон и М. Хэммерсли подчеркивают, что в каждой позиции есть свои достоинства и недостатки; принятие той или иной позиции позволяет обеспечить доступ к определенной информации, также оно связано и с определенными ограничениями. Занимая позицию аутсайдера, которой в типологии Р. Голда более близка позиция «полного наблюдателя», исследователь должен учитывать риск непонимания скрытых причин и механизмов поведения членов группы. В свою очередь, «проблемой инсайдерства», с которой могут встретиться во всех оставшихся трех позициях в классификации Р. Голда, является опасность «чрезмерной близости», утрата исследовательской позиции и видения проблемы. П. Эткинсон и М. Хэммерсли склонны считать, что в любом случае исследователь должен оставаться в маргинальной позиции (между «*ин*» и «*аут*»): проходя через стрессы адаптации периода знакомства и поиска самоопределений в новой группе, исследователь должен избежать полного «расслабления» и растворения в ней – балансируя в позиции «*marginal native*» (маргинального туземца).

Решение вопросов, связанных с конструированием позиции исследователя, зависит от сферы, в которой проводится этнографи-

ческое исследование. Пожалуй, наиболее остро проблема влияния ин- или аутсайдерской позиции, характеристик исследователя, а также его профессионального этикета на отношения с объектом и качество описания, встает в сфере исследований религиозной тематики.

Конструирование роли исследователя в этнографии религиозных движений

В современной социологии религии на Западе основным объектом исследования являются так называемые «новые религиозные движения» (НРД). По мнению Т. Роббинса [6, р. 518], рост таких исследований трансформировал суть социологии религии и внес вклад в прекращение ее теоретической и междисциплинарной изоляции.

Типичной схемой социологического исследования новорелигиозных групп на Западе стала следующая совокупность действий: анализ литературы (как социологической, так и изданной самими последователями движения), широкопрофильные интервью с открытыми вопросами, регулярные личные визиты в конгрегации с глубинным интервью, неформальные беседы с последователями движений, в том числе бывшими, а также непосредственное четырех-пятилетнее наблюдение последователей движения у них дома, в конгрегациях, на собраниях, в проповеднической деятельности и т.д. Что касается позиции, которую занимают исследователи по отношению к изучаемым движениям, то можно отметить, что иногда практиковалось проживание в неорелигиозных общинах в качестве неофитов, имелись также случаи, когда удачные и соответствующие критериям научности этнографические описания составлялись последователями того или иного движения. Мэйнстримом же в этнографии НРД остается сочетание позиций «наблюдателя-как-участника» и «участника-как-наблюдателя». Например, британский социолог А. Баркер, проводя включенное

наблюдение, длительное время принимала участие в жизни религиозных общин, в частности, Церкви объединения в качестве «профессионального незнакомца» [7, р. 290]. Эта позиция удобна, поскольку позволяет быть более маневренным в поле: брать интервью у представителей изучаемой группы, обладающих различным статусом, задавать специфические вопросы, отчасти нарушать принятые коды поведения. Большинство религиозных групп не стремятся к полной замкнутости и способны отреагировать на такую мотивацию для общения с ними социального исследователя, как «составление академического отчета», «университетское исследование» и «информирование общества о малоизвестных социальных группах» [8, р. 36]. Живя в общине, А. Баркер не подстраивалась под неопита, все были осведомлены о ее целях и официальном статусе, причем это повлекло за собой достаточно интересные последствия. В частности, она отмечает, что возможность для общения с нею как с аутсайдером позволяла членам движения рефлексивно рассуждать на темы, которые обычно не затрагивались, и этот взгляд с новой точки зрения мог или укреплять их приверженность общине, или заставить покинуть ее (как это произошло с одной девушкой из Церкви объединения).

Рассмотрим характерные особенности процесса конструирования позиции исследователя религиозных движений и насколько адекватной для ее описания остается дихотомия *ин-*, *аутсайдера* по степени включенности в группу. Для этого обратимся к тому пониманию процесса конструирования позиции, которое предложили на основании своего полевого опыта два современных социолога религии – Г. Дэниел (Дублин) и К. Митчелл (Белфаст) [9], проводившие исследование в Евангелической церкви в Северной Ирландии. Вывод, к которому они приходят: религиозный опыт – позицию инсайдера – можно рассматривать не как фиксированную, заданную, а как социально конструируемую и открытую для изменений «идентичность», которая может играть важную роль в одних контекстах взаимодействия и не играть никакой роли в

других. Тем самым идентичность представляет собой *континуум позиций*, в разной степени актуализирующихся на различных этапах исследования.

Исследовательницы обозначили *три наиболее ярких позиции* в современной социологии религии в отношении оппозиции ин- и аутсайдерства. Первая – «лабиринт между позицией исследователя и инсайдера», это восприятие собственной религиозной идентичности как ограничения, о котором нужно помнить и соответственно отрефлексировать. Примером такой рефлексии может служить позиция М. Поломы [9, р. 5], изучавшей Харизматическое движение, членом которого она являлась. Она считает, что свою «идентичность инсайдера» нужно рассматривать как социальную данность и учитывать ее возможное влияние на процесс анализа данных. При этом она не утверждает, что ее инсайдерский статус дает ей привилегированный доступ к внутренним мирам респондентов.

Другой пример – исследование геев, лесбиянок и трансвеститов – христиан, проведенное М. Уилкоксом [9, р. 5], нехристианкой нетрадиционной ориентации. Она также пришла к аналогичному выводу о том, что исследователь оказывается в различных позициях (в ее случаях – гендерное инсайдерство, религиозное аутсайдерство), что как раз и дает возможность анализировать изучаемую субкультуру, к которой отчасти и принадлежишь, с разных точек зрения, спасающих от «ангажированности».

В некоторых случаях противопоставление двух позиций – внутри или вне группы не различимо в принципе. Так, например, по утверждению М. Нейца, «наша динамическая сложносоставная самость устанавливается непосредственно в диалоге, посредством социального действия – мы все одновременно и инсайдеры, и аутсайдеры» [9, р. 6]. В целом его подход совпадает с подходом упомянутых выше ирландских социологов. Другими словами, дихотомия инсайдера-аутсайдера, возможно, не может прояснить положение исследователя в ряде ситуаций.

Исследователи религиозных движений отмечали, что в различные моменты взаимодействия с респондентами актуализируются особые стороны идентичности (пол, возраст, национальность) и невозможно предугадать, что и как повлияет на респондента в тот или иной момент (и будет ли это им озвучено). В реальном исследовании религиозных движений противопоставление ин- и аутпозиций оказывается бессодержательным еще и потому, что подобное балансирование между внутренним и внешним взглядом характерно также и для самих членов религиозной группы, которая не является монолитным целым, противостоящим «пришлому исследователю».

Таким образом, возможны следующие методологические предпосылки при изучении НРД. Во-первых, религиозная идентичность является составной частью множественной идентичности как некоторого континуума, который не выглядит набором фиксированных позиций – инсайдер, аутсайдер, а представлен условными и изменяющимися позициями, конструируемыми в процессе взаимодействия. Во-вторых, на разных этапах исследования могут оказаться важными различные составляющие идентичности социолога: религиозная, гендерная, профессиональная, возрастная и т.д. При этом их интерпретация «респондентами», а также самим исследователем, конструируемая в процессе взаимодействия, остается весьма расплывчатой. В-третьих, для установления доверительных отношений с респондентами и для глубокого их понимания важными оказываются не социальные идентичности и ожидания, а эмоциональная связь, которая может способствовать доступу в сенситивные сферы. Раскрытие незнакомцу глубоко личных деталей собственной жизни требует определенного уровня доверия, который не устанавливается автоматически при наличии общих социальных характеристик. Когда есть доверие или эмоциональная связь, исследователь – вне зависимости от своего статуса – может оказаться приглашенным во внутренний мир респондента, при этом ему помогут преодолеть заданные, вооб-

ражаемые социальные границы [9, р. 14]. Глубинные интервью, в ходе которых поднимаются эмоционально-насыщенные «истории жизни», являются интенсивным эмоциональным переживанием для обеих сторон – исследователя и информанта. Очевидно также, что возникающие эмоции – симпатия, антипатия, чувство дискомфорта, вины или сочувствия должны становиться объектом рефлексии исследователя.

Итак, ирландские исследователи, опираясь на свой полевой опыт и своих коллег, показывают, что «религиозная идентичность» сама по себе достаточно многогранна и динамична, чтобы на ее основании можно было дифференцировать позицию исследователя как «инсайдера» или «аутсайдера». Кроме того, степень формальной или статусной включенности в группу оказывается менее значимой для установления отношений с респондентами, чем налаживание эмоциональной связи. Взаимодействие с представителями религиозных групп – достаточно сложный процесс, и в этой связи актуальными для исследователя НРД становятся вопросы этики и практического использования этнографических данных о движениях.

Этика исследователя и использование этнографических данных

Этика исследователя как кодекс принципов, регулирующих определенные моменты его поведения, стала разрабатываться и функционировать в рамках различных профессиональных ассоциаций антропологов и социологов, например, Британской социологической ассоциации. Причиной для разработки формальных документов стал ряд ситуаций, когда результаты или процесс поведения полевых исследований демонстрировал угрозу либо независимости исследователей, либо личной жизни респондентов. В частности, в проекте «Камелот» (1967 г.) спонсор исследования, в качестве которого выступило правительство США, стал оказыва-

вать давление на ход изучения латиноамериканского населения в Центральной Америке, которое приобрело черты разведки – целенаправленного сбора информации о военном потенциале местных жителей. Этот случай заставил научное сообщество задаться вопросами о реальных угрозах свободному от политических интересов обмену информацией, о рисках и выгодах тех, кто участвует в исследовательских проектах, а также о необходимости создания «буферных институтов» в системе спонсирования, чтобы избежать «интервенции государства» в сферу академических исследований [2, p. 185].

Этические кодексы исследователей, созданные на основе подобных случаев, были ориентированы на регулирование «профессиональной неприкосновенности», т.е. независимости исследователя, интересов респондентов (в частности, постулируется право последних на получение объяснений относительно цели исследований и применения полученных результатов), отношений со спонсорами и использования информации в преподавательской деятельности [2; 4]. Тем не менее, эти этические кодексы оказались недостаточно гибкими для реальной ситуации этнографического исследования, и на это обращает внимание, например, М. Агар. Она отмечает, что «люди составляют представление о тебе на основе того, как ты ведешь себя день за днем, а не по тем официальным заявлениям, которые ты им предоставишь вначале» [10, p. 60]. Официальные кодексы задают лишь каркас этики исследователя; конкретное поле исследования требует своих нюансов в реализации регламентированных этических принципов.

Существуют различные теоретические позиции в отношении понимания того, каковы необходимые этические ограничения в этнографическом исследовании: от убеждения в том, что отдельные виды этнографии и, в частности, скрытое наблюдение – недопустимы в принципе, до полного этического релятивизма («цель оправдывает средство»). Большинство исследователей и, в частности, М. Хэммерсли и П. Эткинсон, а также А. Беккер занимают не-

которую промежуточную позицию между двумя этими крайними вариантами, полагая, что судить об образе действия исследователя и о допустимых приемах этнографии можно только в зависимости от контекста исследования. Эта этическая позиция сопровождается также убежденностью в том, что необходимо избегать серьезных проявлений жестокости в отношении участников исследования. Только в конкретной ситуации можно взвесить все выгоды и ущербы от тех или иных действий этнографа, т.е. соизмерять: важность проводимого исследования и масштабы возможного насилия в отношении изучаемых людей, ценность честности и возможные последствия от «вторжения в частную жизнь».

Имеет смысл остановиться на пяти этических вопросах, выделенных М. Хэммерсли и П. Эткинсоном. С ними сталкивается каждый этнограф, и ответы на них не всегда можно получить, опираясь на предписания формальных этических кодексов.

1. *Информирование респондентов о том, что они являются объектом исследования, о целях и задачах, стоящих перед исследователем.* Вопрос о том, как это проводить в конкретных условиях, остается достаточно дискуссионным. Некоторые методологи считают, что в скрытом наблюдении этнограф выступает в роли «provocateur», нарушая права информанта на личную жизнь (опасения главным образом связаны с возможными последствиями публикации результатов). Те, кто придерживаются противоположной точки зрения, аргументируют допустимость скрытого наблюдения тем, что, во-первых, определенная часть информации, которую человек выдает о себе, по определению является публичной, а значит, ею может воспользоваться и социолог. Во-вторых, в отдельные сферы социума получить доступ исследователю иным путем просто невозможно.

Необходимость обязательного информирования респондентов считается дискуссионной еще и потому, что даже в случае, когда наблюдение не является полностью скрытым, исследователь не может контролировать ситуацию полностью и быть уверенным,

что все участники владеют абсолютно всей полнотой информации о проводящемся исследовании. Информировать всех «наблюдаемых» о том, что за ними ведется наблюдение, невозможно как минимум по трем причинам: во-первых, зачастую сам этнограф не знает, какие аспекты ситуации и чье конкретно поведение будут зафиксированы в отчете (благодаря индуктивной логике этнографического исследования). Во-вторых, далеко не все наблюдаемые будут интересоваться информацией, которую может предоставить исследователь. В-третьих, что наиболее важно, раскрытие исследователем себя и целей проводимого наблюдения скорее всего скажется на валидности данных, поскольку информанты могут изменить свое поведение, узнав, что их изучает этнограф.

2. *Право на частную жизнь.* Довольно часто этнографию упрекают в том, что в ней становятся публичными те стороны жизнедеятельности, которые относятся к сфере неприкосновенной частной жизни информантов. Тем не менее, вопрос пределов приватности также неоднозначен и включает в себя несколько аспектов. Во-первых, не всегда можно точно разграничить «личную» и «публичную» сферы. Например, является ли громкий разговор в баре, который слышен всем, личным? И насколько он должен быть громким, чтобы можно было с полной уверенностью судить о его «публичности»? Ответы на эти вопросы зачастую субъективны и носят неоднозначный характер. Во-вторых, сложившиеся в социуме представления о «приватных сторонах жизни» неодинаковы в отношении различных субъектов. Например, если считается, что учеников можно расспрашивать о том, с кем и как они дружат, то по отношению к учителям эти вопросы окажутся предосудительными, т.е. «личное» для подростков нетождественно «личному» взрослых. В-третьих, оценка допустимости вторжения в сферу частного в рамках этнографического исследования оказывается зависимой от потенциальной аудитории, которая будет ознакомлена с результатами исследования. В частности, универсальной для всей системы социальных исследований является предпосылка

(возможно, не вполне правомерная), что нарушение приватности информантов исследователем допустимо, поскольку результаты будут опубликованы для научного сообщества – людей, не знакомых лично с объектами изучения. Идее необходимости защиты частной жизни респондентов близко предложение, выдвигавшееся отдельными исследователями о том, что права на контроль информации должны быть отданы изучавшимся людям. Введение этого этического принципа может привести к «растаскиванию» информантами материала, полученного исследователем.

3. *Возможное причинение вреда.* Этнографическое исследование может иметь неприятные последствия для тех, кто становится объектом изучения. Ущерб может нанести сам факт наблюдения, если люди находятся в стрессовой ситуации (например, умирающие пациенты больниц). Вред может принести и публикация информации о результатах исследования. При этом принятое использование псевдонимов и вымышленных названий мест лишь отчасти решает проблему анонимности, поскольку зачастую описанные ситуации и личности становятся узнаваемыми.

4. *Потенциальная эксплуатация.* Довольно частым является, по мнению М. Хэммерсли и П. Эткинсона, упрек этнографов в том, что они «используют» информантов, ничего не давая им взамен. Чувство вины возникало, например, у исследовательницы, занимавшейся изучением женщин, больных раком. Несмотря на то, что в отношениях с ними она предлагала и оказывала материальную и эмоциональную поддержку, у нее все равно складывалось ощущение, что задавая вопросы о том, как они впервые обнаружили в себе болезнь, она просто отнимает у них время, ведь все это давно стало для них неактуальным из-за прогрессирования болезни [3, р. 274].

В любом этнографическом исследовании имеются и определенные издержки и определенная «прибыль» для тех, кто становится объектом изучения, и судить о соотношении между ними необычайно сложно. Дискуссия о потенциальной эксплуатации

в этнографии привела к разработке рекомендаций относительно того, что исследователь обязан обеспечить какую-то отдачу, как-то отблагодарить информантов за участие в исследовании – деньгами, подарками или услугами. Тот, кто поставляет этнографу информацию через наблюдение или интервью, не должен рассматриваться как «бесправный» и «пассивный» объект изучения.

5. *Последствия для будущих исследований.* Проведение социального исследования как такового базируется на потенциальной возможности доступа к различным локальным группам. Одним из основных аргументов против скрытого наблюдения явилось понимание, что если результаты исследований или их проведение вызовут раздражение у изучаемого сообщества или/и у тех личностей, которые дают возможность проникновения в него, то они могут закрыть для исследователей доступ к этому сообществу. В более широком масштабе это может сказаться на возможности проведения этнографического исследования как такового – при создании устойчивого негативного стереотипа социального исследователя. Некоторые исследователи видят эту проблему более глобально, как имплицитное противоречие между интересами социальной науки и интересами тех, кто ее изучает [3, p. 275].

Этика исследователя НРД

В сфере исследований НРД решение этических вопросов исследователем имеет свою специфику. А. Баркер, британский социолог, занимающийся изучением НРД, резюмируя свой опыт и коллег, говорит о том, что исследователю религиозных движений приходится решать этические проблемы в контексте взаимодействия не только непосредственно с объектом исследования, но также с «лидерами мнений», создающими образы НРД в сфере общественного дискурса. В частности, А. Баркер выделяет четыре основных типа таких лидеров мнений: *СМИ*, *сами НРД*, *социальные исследователи* и *АКД (антикультовое движение)* [7]. Для

каждого из этих типов характерны: специфические цели создания образа НРД, приоритетная информация, включаемая в создаваемые ими описания религиозных групп или исключаемая из них, метод получения данных, а также способы их публикации. Например, *СМИ* ориентируются на «задевающие за живое» истории, которые могли бы привлечь внимание зрителей или читателей, используя при этом интервью с теми, кто более доступен и кто может более красочно преподнести информацию.

Целью *антикультурного движения* является «разоблачение» опасных религиозных «сект», соответственно стиль их описаний НРД, базирующийся на парадигме «контроля сознания», подразумевает использование негативных фактов и атаки на позитивные. При этом основными источниками информации выступают бывшие члены новорелигиозных движений, а также родители тех, кто присоединился к НРД. Сами *НРД* как лидеры мнения ориентированы на продвижение своего вероучения и саморекламу, и соответственно выпускаемая ими литература содержит, как правило, избирательно позитивные факты о самих движениях, умалчивая о негативных.

В такой ситуации вопросы этики социальных исследователей оказываются связанными с проблемой легитимации своих результатов на этом рынке мнений о НРД. А. Баркер позиционирует свою этическую позицию, как «*методологический агностицизм*», подчеркивая независимость научных описаний в противовес несбалансированным образам НРД, поступающим от других лидеров мнений. Она декларирует определенные *этические принципы изучения НРД* [7, р. 294–297], к рассмотрению которых и переходим.

1. Научное описание НРД должно исключать теологические суждения о существовании Бога, богов, сверхъестественных существ. Это должно находиться вне компетенции социологов, ибо объектом их научного интереса служит то, каким образом вера определяет поведение людей. Тем самым исследователь действует

с определенной *метапозиции*, которая и подразумевается под «методологическим агностицизмом».

2. Социологи должны использовать определенные идеальные типы и концепты в своих описаниях, оговаривая, что они под ними подразумевают, – некий функциональный дискурс, не нагруженный негативными ассоциациями (например, по этой причине социологи не используют слово «секта», предпочитая более нейтральный термин «НРД»).

3. Социолог должен стремиться оградить исследование от собственных ценностей, религиозных взглядов и т.д. Возможность достижения такой отстраненности неоднократно оспаривалась, но, тем не менее, существуют способы, позволяющие ограничить исследовательскую субъективность, – это техники триангуляции, т.е. проверка результатов включенного наблюдения другими методами (статистическими данными, использованием контрольных групп и т.д.) и диалогом с другими исследователями НРД.

На базе этих этических принципов функционирует созданная А. Баркер в 1988 г. в Лондоне на базе Школы экономики (*The London School of Economics and Political Science*) и при поддержке Правительства Великобритании организация «ИНФОРМ» (*Information Network Focus on Religious Movements*). По сути это – информационная сеть неорелигиозной тематики, предоставляющая сведения о верованиях и деятельности различных новых религиозных движений. А. Баркер рассматривает сеть в качестве практического результата использования накопленных профессиональных знаний об НРД с целью опровержения «неистинных, заведомо искаженных» сведений об НРД от каких лидеров мнений они бы ни исходили [7, p. 291].

Принципом работы «ИНФОРМ» является организация виртуального взаимодействия между экспертами, включающими в себя социологов, проводящих полевые исследования, друзей и близких обращенных в «новые религии», основателей и членов движений, государственные учреждения, полицию, социальных работников,

священнослужителей и других специалистов в области религии, исследователей религии и СМИ. Совокупность различных фактов, получаемых от экспертов, обеспечивает необходимой и сбалансированной информацией об НРД тех, кто в ней нуждается¹.

Еще одним широко известным научным центром по изучению НРД является CESNUR (*The Center for Studies on New Religions*), базирующийся в Турино, Италии, учрежденный в 1988 г. рядом Школ по изучению НРД, управляющий директор которого – Массимо Интровинья. Центр также представляет собой международную сеть из различных научных школ и университетов, организованную с целью, аналогичной целям британской информационной сети, – противопоставление профессионально качественной информации об НРД доминирующим стереотипам, производимым, как правило, АКД. Деятельность этого центра включает в себя накопление информации об НРД, ее публикацию, создание наиболее полной библиотеки по проблематике, а также проведение форумов академических исследователей. Например, на их официальном сайте² изложены ключевые этические нормы, которыми руководствуются организации и отдельные исследователи, входящие в Центр. Эти нормы в основном совпадают с этическими принципами А. Баркер: исключение вопросов о «законности», «аутентичности» или «истинности» теологических систем движений и использование сбалансированной информации, предполагающей сопоставление различных мнений.

Опыт европейских социологов позволит не только практически применить данные, полученные в академических исследованиях НРД, но и на основе информационных сетей выступать исследователям посредниками между новорелигиозными движениями, членами семей последователей НРД, с одной стороны, правительственными организациями, юристами и т.д. – с другой

¹ Официальный сайт «ИНФОРМ» – www.inform.ac.

² www.cesnur.org.

стороны. Этот опыт дополняет рассмотренный нами выше обзор проблем этнографического метода П. Эткинсона и М. Хэммерсли и позволяет высказать ряд рекомендаций будущим создателям информационных сетей.

Вопрос об *информировании* респондентов о том, что они являются объектом исследования, о целях и задачах, стоящих перед исследователем, решается достаточно просто для информантов, вступающих во взаимодействие с «ИНФОРМ». Что касается прав респондентов на *частную жизнь*, то ситуация для информантов проясняется при ознакомлении с принципами анонимности и конфиденциальности обращения с информацией, получаемой от последователей движений, детально прописанных в «этическом руководстве» и выложенном на сайте «ИНФОРМ». В частности, с ними обговаривается степень их анонимности, а в хранении информации соблюдаются общие стандарты информационной защиты.

Обратимся к вопросу о возможном *причинении вреда* и аналогичного ему вопросу о *потенциальной эксплуатации*. Они являются особенно актуальными в сфере исследований НРД, где предмет исследований достаточно противоречив и где требуется особая осторожность в высказываниях по поводу движений. Это касается выступлений в СМИ, которые задают достаточно жесткий сценарий обмена мнениями, используя при этом приемы монтажа и селекции информации, в результате чего исследователь может на экране подтвердить совсем не тот тезис, который предполагался изначально. Распространенные случаи нарушения прав человека и свободы вероисповедания, возникшие в результате популяризации темы «промывки мозгов» и «программирования», зачастую заставляли исследователей «придерживать» информацию. Такую точку зрения разделяет, например А. Баркер [7, р. 305], считая, что на исследователя распространяются правила национального законодательства, поэтому те факты, которые свидетельствуют о нарушении юридических норм в том или ином движении, не могут

быть скрыты. Этот момент также прописан в этических правилах «ИНФОРМ» [11].

Что касается вопроса *о последствиях* для будущих исследований, то А. Баркер отмечает, что НРД настроены на контакт с научными исследователями, поскольку несмотря на то, что последние не занимают «их сторону», информация, которую они дают о движениях, может быть нелестной, но в то же время достоверной и контрастирующей с резким потоком негатива, исходящего от СМИ и АКД [8, p. 305].

Таким образом, вполне закономерно, что представители движений ориентированы на взаимодействие с информационными сетями, зарекомендовавшими себя в качестве объективных источников информации об НРД.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. «Делать знакомое неизвестным...»: Этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. № 1/2.
2. Burgess R. In the Field. London, 1991.
3. Hammersley M, Atkinson P. Ethnography: Principle in Practice. L.: Tavistok, 1983.
4. Gold R.L. Roles in Sociological Fieldwork // Social Forces. 1958. Vol. 36. P. 217–223.
5. Morales E. Researching Peasants and Drug Producers // In the Field / Ed. by C.D. Smith, W. Kornblum. Westport, 1996. P. 119–129.
6. Robbins T. «Quo Vadis»: the Scientific Study of New Religious Movements? // Journal for the Scientific Study of Religion. 2000. Vol. 39. No. 4. P. 515–523.
7. Barker A. The Scientific Study of Religion? You Must be Joking! // Journal for the Scientific Study of Religion. 1995. Vol. 34. No. 3. P. 287–310.
8. Sullivan P, Elifson K. In the Field with Snake Handlers // In the Field / Ed. by C.D. Smith, W. Kornblum. Westport, 1996. P. 36–42.
9. Daniel G., Mitchell C. Turning the Categories Inside-out: Complex Identifications and Multiple Interactions in Religious Ethnography // Sociology of Religion. Spring 2006. Vol. 67. No. 1. P. 1–21.
10. Agar M. The Professional Stranger. N.Y., 1980.
11. <http://inform.ac/>